

Фаресов Анатолий Иванович

В одиночном заключении

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Иванович Ф.**
В одиночном заключении / Фаресов Анатолий Иванович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2026. – 178 с.

ISBN 978-5-519-78672-0

ISBN 978-5-519-78672-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вается эта дубинушка, то затихая, то съ новой силой врываясь въ шумныя улицы.

А Волга все разливается и разливается по степной полосѣ, затопляя деревни, острова и рощи. Долго увеличивался уровень весенняго половодья и не менѣе продолжительно вода убывала, вступая въ свои обычные берега. Пароходы и барки сновали по водной поверхности, то показываясь, то исчезая въ лучахъ солнца и туманѣ. По островамъ и заливамъ носилось много всякой птицы, прилетѣвшей сюда на тепло и приволье.

Хорошо весной на Волгѣ... Но какъ тяжело въ это чудное время «живому съ жизнью разставаться» и быть брошеннымъ въ среду арестантовъ. Въ одну изъ майскихъ ночей конвой жандармовъ сопровождалъ меня съ обнаженными саблями въ тюремный замокъ. Подвигаясь впередъ по улицамъ города С., я жадно слушалъ доносящіяся изъ-за Волги пѣсни рабочихъ и счастливаго въ тѣнистомъ саду соловья. Передъ тѣмъ, какъ войти въ тюрьму, душа была переполнена желаніемъ запомнить каждый звукъ жизни, забывая всякій страхъ передъ неизвѣстностью... Все, что поддерживало и радовало меня, я торопился въ эти послѣднія минуты захватить съ собою, точно предчувствуя, что только съ этими воспоминаніями еще можно жить долгіе годы въ одиночномъ заключеніи.

— Стой!—раздался голосъ жандарма.—Стой! Письмо бросилъ!

Онъ тревожно вернулся назадъ и зажегъ спичку. Оказалось, что, вынимая платокъ изъ кармана, я выбросилъ на землю комокъ мятой бумаги. Подозрительный жандармъ видѣлъ въ этомъ хитрость арестанта и тотчасъ породилъ во мнѣ мысль о возможности такимъ способомъ тайно переписываться съ лицами, находящимися на волѣ.

— Стой же! — кричалъ унтеръ-офицеръ. — Ищи... Бросилъ чего-то на дорогу.

Показанію моему о пустой бумагѣ онъ не вѣрилъ. Пока жандармы искали ее, я всматривался въ небо, на которомъ, какъ теперь помню, луна одними краями пряталась въ темное облако, а другими свѣтила вдаль весело и привѣтливо.

Въ городѣ затихалъ шумъ; слышались только свистки пароходовъ на пристани и чья-то нѣжная музыка на роялѣ...

Это послѣдніе звуки, которые я слышалъ на волѣ... Давно это было... Точно сонъ. Но и теперь мнѣ слышится эта музыка со вздохами любви и жизни. Передо мною стояло мѣсто заточенія. Мрачное зданіе, съ будками для часовыхъ, не было освѣщено. Гдѣ-то, правда, въ одномъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ свѣтился слабо ночникъ и какъ будто готовился потухнуть. Ча-

совой загородилъ намъ дорогу, но, увидѣвъ жандармовъ, посторонился.

— Эй, отворяй! — стукнулъ жандармъ въ дверь острога.—Ишь, черти, позаснули...

— Кто тамъ? кто стучить?

— Отпирай! — грубо повторилъ жандармъ, торопясь помѣстить меня въ желѣзный переплетъ.

Черезъ минуту показался свѣтъ и слышался стукъ ключей. Сквозь рѣшетчатую дверь виднѣлся маленькій корридоръ, ведущій въ канцелярію тюремнаго замка. Съ боку его помѣщалась караулка, наполненная вооруженными и спящими солдатами. Я прошелъ въ канцелярію, состоящую изъ одной просторной съ низкимъ потолкомъ комнаты. Одна сторона ея была отгорожена проволочною рѣшеткою, за которую водили преступниковъ на свиданія съ родными. Посреди комнаты стоялъ письменный столъ огромныхъ размѣровъ, и на немъ въ одеждѣ спалъ караульный офицеръ. При моемъ входѣ онъ лѣниво поднялся и съ неудовольствіемъ замѣтилъ ключнику:

— Гдѣ же смотритель? Чего стоишь?

— На квартирѣ у себя, ваше благородіе.

— Сходи за нимъ! Надо же кому нибудь принять арестанта.

Онъ усиленно сталъ раскуривать папиросу, поминая чорта и расхаживая по комнатѣ безъ малѣйшаго вниманія къ моему присутствію. Съ послѣднимъ клубомъ дыма, выпущеннаго изъ

рта, равнодушное и заспанное выражение его молодого лица мало-по-малу стало уступать чувству любопытства и едва уловимаго сожалѣнія. Я стоялъ по срединѣ комнаты, не рѣшаясь сѣсть на стулъ. Офицеръ самъ мнѣ указалъ на него и, точно оправдываясь, произнесъ:

— Смотритель, можетъ быть, и не скоро придетъ... Тоже и онъ человѣкъ. Всѣ эти ночи приводятъ арестованныхъ и беспокоятъ его.

— Арестованныхъ? По нашему же дѣлу?

Какая-то оторопь охватила мгновенно молодого офицера, и онъ застылъ съ испуганнымъ выраженіемъ лица. Жандармъ строго приблизился къ моему стулу, хотя и не произнесъ ни слова. Вся фигура его безмолвно запрещала продолжать разговоръ. Мнѣ и самому стало жаль неопытнаго караульнаго офицера, который, робко поглядывая на гнѣвнаго жандарма, старался угадать по его наружному виду о томъ, донесетъ ли онъ о неосторожно вырвавшемся у него замѣчаніи объ арестахъ, или промолчить. Я зналъ, что въ городѣ арестовано много лицъ, но эти лица были преимущественно случайно замѣшанные.

— Однако, это они!—думалъ я, окончательно убѣдившись въ этомъ, когда жандармъ усилилъ свою бдительность.—Они! непременно они!

Прямо противъ меня, на стѣнѣ, висѣли чья-то пашка и заряженный револьверъ. Въ углу

на полу лежали кандалы, цѣпи, наручники самыхъ разнообразныхъ формъ, иные съ замками, другіе безъ нихъ. Рядомъ съ ними нѣсколько арестантскихъ халатовъ, чьи-то узлы и узелки, а по стѣнамъ инструкціи.

— Не извольте разглядывать! — произнесъ жандармъ, становясь между мною и внѣшними предметами.

— Отчего не разглядывать?

— Не приказано.

— Ты, любезный, очень строгъ...

Онъ сдѣлалъ еще болѣе сердитое лицо и не удостоилъ отвѣта.

Между тѣмъ, запрещеніе смотрѣть по сторонамъ меня такъ удивило, что я невольно и пристальнѣе заглядывалъ въ отдаленные углы канцеляріи. Жандармъ безпрестанно переходилъ то въ ту, то въ другую сторону моего стула, загораживая собой пространство. Но я все-таки замѣтилъ на одной лавкѣ нѣсколько узловъ обыкновеннаго платья и, когда пришелъ изъ отставныхъ солдатъ надзиратель съ фонаремъ въ рукѣ, я тотчасъ при свѣтѣ узналъ костюмы, въ которыхъ видѣлъ до ареста моихъ товарищей. Это новое открытіе мучительно сжало мое сердце, и въ то же время я почувствовалъ мгновенно созрѣвшую рѣшимость взять на себя нѣкоторые проступки арестованныхъ лицъ и по возможности выгородить иныхъ изъ самаго дѣла. Эта мысль

воодушевила меня, и я чувствовалъ себя въ силахъ перенести тяжелыя страданія одиночнаго заключенія. Въ тотъ же самый моментъ въ корридорѣ слышались мѣрные и спокойные шаги, какими здѣсь ходятъ начальники, а не подчиненные люди. Я увидѣлъ передъ собою старика въ военной формѣ, еще крѣпкаго на видъ и убѣленнаго совершенно серебряными волосами. Росписавшись въ книгѣ жандарма о сдачѣ ему арестанта, онъ потомъ уже обратился ко мнѣ.

— Вы дворянинъ? Сколько вамъ лѣтъ? Раздѣньтесь... Совсѣмъ!..—махнулъ онъ рукою сверху внизъ для большаго вразумленія.

Я почти машинально снялъ съ себя сюртукъ, брюки и сапоги.

— Все! Все долой!—повторилъ онъ, указывая мнѣ на нижнее бѣлье.

Я чувствовалъ, что со мной дѣлается дурно. Надзиратель и ключникъ быстро обнажили мое тѣло, помогая мнѣ снять послѣдніе покровы.

— Нагнитесь!—командуетъ смотритель. Грубыя руки надзирателя ощупываютъ меня со всѣхъ сторонъ.

— Ничего?—спрашиваетъ смотритель.—Ничего не спрятано?

Надзиратель вторично наклоняетъ меня и ничего не находитъ. Наконецъ, предлагаютъ мнѣ, блѣдному, какъ смерть, одѣться.

Изъ цейхгауза приносятъ рваный арестант-

скій армякъ, туфли изъ толстой конины, называемыя «коты», и черныя, солдатскаго сукна, широчайшіе шаровары. Самый свободный человѣкъ чувствовалъ бы себя въ этомъ костюмѣ арестантомъ.

— Свѣти!—сухо приказалъ смотритель и пошелъ со мной за надзирателемъ.

Грузно шлепали по кирпичнымъ плитамъ мои арестантскіе «коты», надѣтые на босую ногу, тогда какъ ровные шаги моей стражи даже пріятно отзывались въ отдаленныхъ углахъ нѣмага корридора. Тяжелые засовы дверей скрипѣли и съ громомъ падали на полъ, пропуская насъ впередъ. Наконецъ, миновавъ полутемныя и пизкіе проходы, мы вступили въ центральный корридоръ, освѣщенный керосиновыми лампочками, висѣвшими надъ маленькими дверцами съ номерами по порядку. Надъ одной изъ такихъ дверей виднѣлась на черной жестянкѣ бѣлая надпись «секретный». Чѣмъ-то ужаснымъ повѣяло на меня отъ этихъ словъ: я еще не освоился съ мыслью, что я не такой человѣкъ, какъ другіе, и даже не такой преступникъ, какъ всѣ. Я секретный...

— Идите скорѣе!—строго замѣчаетъ смотритель. — По сторонамъ ничего нѣтъ интереснаго.

— Да и впереди только секретные номера...

Онъ дѣлаетъ полуоборотъ ко мнѣ, и его строгое, но красивое лице стало еще воинственнѣе.

— Прокуроръ никакого исключенія не велѣлъ дѣлать для васъ...

— Значить, насъ много здѣсь?

— Вы числитесь за прокуроромъ, но въ острогѣ принадлежите мнѣ,—еще раздражительнѣе отвѣтилъ онъ и знакомъ руки приказалъ надзирателямъ заслонить собою маленькія дверцы съ надписью.

Я замѣтилъ, что посрединѣ дверей сдѣланы стеклянныя форточки, освѣщенныя снаружи тусклыми лучами лампочки.

— Клеенки навѣсить на форточки.

Не было сомнѣнія, что въ этихъ камерахъ сидѣли «секретные», которые не должны были меня видѣть.

Мы прошли мимо часового съ ружьемъ, поставленнаго охранять корридоръ. Вдругъ я почувствовалъ сырой казематный воздухъ, сильно насыщенный амміакомъ и сѣроводородомъ... Это несло отъ «парашекъ», поставленныхъ на ночь въ общую палату, надъ которой красовалась надпись «послѣдственные».

— А ты секретный,—подумалъ я...

Секретный! Этотъ часовой съ ружьемъ не смѣетъ взглянуть на тебя; этотъ надзиратель не смѣетъ отвѣчать на твои вопросы и, если у тебя есть родные, то тебѣ запрещены съ ними переписка и свиданія.

— Отпирай!—отрывисто приказалъ смотре-

тель, становясь передъ однимъ изъ секретныхъ нумеровъ.

Пока ключникъ подыскивалъ ключъ отъ замка, я еще разъ бросилъ взоръ на длинный, красный отъ кирпича и свѣта, корридоръ.

— Недавно только разсадили «секретныхъ», — думалось мнѣ. — Изъ канцеляріи еще не убраны, по безопасности каптенармуса, ихъ вещи въ цейхгаузъ; а къ форточкамъ дверей не прибиты клеенки. Непремѣнно это мои товарищи, изъ которыхъ многіе замѣшаны въ наше дѣло по простому знакомству и не знаютъ, за что страдаютъ.

— Это будетъ вашимъ помѣщеніемъ, — прервалъ мои мысли смотритель, указывая рукой на отпертое темное пространство.

— Это?

— Одиночное заключеніе, — подсказалъ онъ, вторично приглашая войти. — Эй, лампу... Надзиратель! Не сюда... Снаружи къ форточкѣ! Чтобы завтра же утромъ были клеенки, а на ночь отдергивать ихъ въ бокъ или къ верху.

— Будетъ сдѣлано-съ!.. Поздно принесли сегодня клеенку. Не поспѣлъ, ваше высокоблагородіе.

— Непремѣнно же!

— Будетъ готово утромъ.

— Вотъ ваша кровать, столъ, образъ, — указалъ смотритель на чуть виднѣвшіеся предме-

ты. — Когда вамъ будетъ надо что нибудь, постучите въ дверь и скажите ключнику позвать меня. Я приду. За разговоръ со стражей подвергаетесь строгой отвѣтственности. Прокуроръ не велѣлъ дѣлать никакого исключенія. Ложитесь теперь спать. Утро вечера мудренѣе. Покойной ночи.

Я такъ былъ озадаченъ, что едва замѣтилъ въ потьмахъ протянутую мнѣ руку. На допросахъ прокуроръ и жандармскій полковникъ, отправляя меня подъ конвоемъ въ тюрьму, также прощались посвѣтски.

Ключникъ привѣсилъ къ двери каземата большой замокъ и долго гремѣлъ и дергалъ его, чтобы провѣрить самого себя. Затѣмъ онъ весьма часто заглядывалъ ко мнѣ черезъ стекло форточки, точно поражаясь тѣмъ, что я все стою на одномъ мѣстѣ.

Казематный воздухъ былъ пропитанъ сыростью. Визгъ мышей подъ деревянными половицами нарушалъ тишину одиночнаго заключенія... И подъ этотъ визгъ и отдаленный стукъ ружейнаго приклада въ рукахъ часового вдругъ врывались ко мнѣ сладкія думы о минувшемъ, такъ ярко и отрядно смягчавшія ужасъ первой ночи въ тюрьмѣ. Чѣмъ страшнѣе выступала дѣйствительность, тѣмъ пламеннѣе вспоминались и свѣжій воздухъ, и родина, и милый ликъ дѣвушки съ икрящимися глазами и волнами шелковыхъ кудрей...